

Лилия Задорнова

ЦИВИЛИСТЫ

Лилия Задорнова

Цивилисты

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Задорнова Л. А.

Цивилисты / Л. А. Задорнова — «Издательство «Перо», 2020

ISBN 978-5-00122-191-3

Книга «Цивилисты» является продолжением повести «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...», в которой автор рассказала о непростых детских и юношеских годах девочки, родившейся вскоре после окончания Великой Отечественной войны у переселенца из России в Литву и местной литовской девушки. В повести «Цивилисты» автор отслеживает дальнейшую судьбу героини, переплетающуюся с судьбой близких ей людей, а также отражает некоторые особенности избранной ею нелегкой профессии юриста – специалиста по гражданским делам, то есть цивилиста.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00122-191-3

© Задорнова Л. А., 2020

© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лилия Адольфовна Задорнова

Цивилисты

© Задорнова Л. А., 2018

Эту книгу я посвящаю любимому сыну Сергею Задорнову, благодаря настойчивости которого она и была написана...

Автор

*Людям необходимы даже самые дурные законы, ибо, не будь их,
люди пожрали бы друг друга...*

Эпикур

Глава 1

Секунды складывались в минуты, минуты – в часы, часы – в сутки, недели, месяцы... Время безоглядно двигалось вперед. Шла середина восьмидесятых двадцатого века – время окончания эпохи застоя и начала перестройки, время проведения антиалкогольной кампании и чернойбыльской катастрофы, время приземления Матиаса Руста на Красной площади Москвы и открытия ДНК-дактилоскопии, время запуска первых модулей орбитальной станции «Мир»...

Кире уже тридцать три. Что это за возраст с точки зрения биологов? Определенные периоды в жизни человека ученые связывают с конкретным возрастом, при достижении которого в его организме происходят явные изменения. О физических и психологических возможностях отдельного индивида можно судить по биологическому возрасту, который может совпадать, а может и не совпадать с паспортным. Ученые разных эпох и стран применяли различные способы оценки жизненных этапов человека. Если обратиться, скажем, к идеям известной личности – античному философу Пифагору, который занимался изучением медицины, политики, этики, математики и других наук, мы обнаружим, что этапы жизни человека он сравнивал с временами года: весна, лето, осень, зима. Со временем года «лето» он отождествлял период жизни человека от двадцати до сорока лет. Именно к этому периоду следовало отнести возраст Киры. Если брать за основу трактовку возраста по Пифагору, то для нее это был период взросления, когда она притягивала все новое и доселе неизвестное, не теряя при этом присущей юности веселости духа. После тридцати годы летят: чем старше, тем быстрее. Ой как скоро для Киры наступит «осень» – время расцвета, когда период взросления закончится и она, если верить философу, станет личностью зрелой, уравновешенной и уверенной в себе.

А пока Кира стояла у окна выделенного ей для работы зала судебного заседания, расположенного на первом этаже здания суда, и смотрела на улицу. Огромного размера окна выходили на небольшую, но довольно оживленную улицу, по которой в сторону расположенной рядом железнодорожной станции практически постоянно двигались легковые автомобили, в основном отечественного производства: «Жигули», «Лады», «Нивы», «Ока»... В том же направлении шел нескончаемый людской поток.

Глядя на двигавшихся за окном, живущих своей жизнью людей, Кира думала, что теперь она наделена полномочиями решать судьбу тех из них, кого приведет сюда жизненная необходимость, кто не сможет в какой-либо сложившейся жизненной ситуации урегулировать ее без обращения в суд. Некоторых конвой привезет сюда в наручниках для определения его вины или установления невиновности, назначения наказания или освобождения от него.

В своей работе она постоянно будет сталкиваться с огромным количеством людей: истцов, намеревающихся отстоять права, которые они будут считать нарушенными; ответчиков – предполагаемых нарушителей защищаемых истцами прав; представителей различных организаций – юридических лиц, а также подсудимых, свидетелей, экспертов, специалистов в различных областях знаний, адвокатов, работников прокуратуры... Подавляющее большинство из них, перешагивая порог суда, будет находиться на разных стадиях эмоционального напряжения, ведь суд – конечная государственная инстанция по разрешению спорной, а зачастую, конфликтной ситуации. Именно поэтому она должна научиться управлять своими эмоциями в любой ситуации, на службе быть абсолютно всегда беспристрастной.

Она должна будет постоянно учиться – совершенствовать свои правовые знания, поскольку в действующем законодательстве часто происходят диктуемые жизнью изменения. Практические навыки она должна будет получить уже в процессе самой судебной работы. Кира это понимала не как посторонний наблюдатель, а как лицо, уже отработавшее в суде около четырех лет судебным исполнителем и знавшее его работу изнутри, с изнанки. Теперь она будет представлять само государство и должна будет принимать решения не от своего, а

от его, государства, имени, ибо судебная власть – власть третья, не законодательная, не исполнительная – особая.

Так, что же это она?.. Можно стоять и философствовать бесконечно, но сейчас нужно идти, идти в кабинет председателя суда, где уже должен был собраться весь судейский коллектив для принятия у нее присяги.

Через несколько минут Кира, стоя за трибуной перед составом энского районного (городского) суда, читала текст принимаемой ею присяги: «Я, Тихонова Кира Бруновна, принимая на себя обязанности судьи, торжественно клянусь: осуществлять правосудие в строгом соответствии с законом; все свои знания, способности и опыт использовать для укрепления социалистического правового государства, законности и правопорядка, воспитания граждан в духе уважения к советским законам; везде и всегда хранить чистоту высокого звания судьи, быть верной присяге».

Коллеги разошлись, а Киру Скрябин попросил задержаться. Суд был многосоставным, состоящим из восьми судей. Часть из них рассматривала только уголовные дела, часть – только гражданские. Такая специализация не была обязательной, но в большом промышленно-сельскохозяйственном районе, коим и являлся Энский район, она была оправдана, целесообразна: огромная палитра возникающих гражданских споров – в семьях, в быту, на производстве, в самых различных жизненных сферах и ситуациях – позволяла обеспечивать высокий уровень их разрешения именно благодаря такой профессиональной специализации.

Скрябин предложил Кире выбрать направление работы – уголовное или гражданское, желая в связи с уходом судьи-криминалиста Будимова, рассматривавшего уголовные дела, произвести в коллективе перестановки. Мог и не выяснять мнение Киры по этому поводу, но решил все-таки его учесть точно также, как учесть мнение и других, уже работавших коллег. Скрябин не без оснований полагал, что человек гораздо лучше выполнит работу, которую будет делать с удовольствием, а не по принуждению. Не всегда обстоятельства позволяли учесть пожелания работника, но если позволяли, почему бы их и не учесть?

– Сколько у меня времени для того, чтобы подумать? – спросила Кира.

– Час.

– Хорошо. Через час я дам вам ответ.

Кира думала. Ход ее мыслей был прост и рационален. Ей тридцать три. У нее за плечами есть не только высшее юридическое образование, но и среднее специальное милицейское, поэтому логичнее было бы рассматривать дела именно уголовные. А если работа не пойдет? Если у нее что-то не получится и придется уйти? Чем заниматься тогда? Для криминалиста останется работа практически только в милиции, поскольку глубоких практических знаний и умений в других областях права, кроме уголовного, которые дает не только полученное юридическое образование, но и применение его в жизни, у нее в случае рассмотрения уголовных дел не будет. Но в органах внутренних дел зачисляются на офицерскую должность до тридцати пяти лет, процедура эта не однодневная, требует времени для проведения специальных проверок кандидата. Совершенно очевидно – туда попасть не успеет. С другой стороны, при рассмотрении дел гражданских нужно будет работать с различными отраслями права: гражданским, трудовым, земельным, семейным, жилищным, да и с абсолютно всеми другими, охватывающими все области человеческих взаимоотношений, всей происходящей вокруг и постоянно бурлящей жизни. Так размышляла Кира.

«Да, – думала она, – не зря латинская пословица гласит, что «знание законов заключается не в том, чтобы помнить их слова, а в том, чтобы понимать их смысл». Можно помнить наизусть хоть все существующие законы, очень эффектно выглядеть в глазах окружающих, цитируя статьи кодексов, с упоением жонглируя юридическими терминами, но при этом быть абсолютно «никаким» юристом, не умеющим правильно применять нормы права к конкретно возникшей ситуации.

«Да, – размышляла она, – поработав с гражданскими делами, постоянно применяя на практике нормы гражданского права, я смогла бы стать специалистом, цены которому не будет «в большой базарный день». Если не смогу или не захочу работать здесь, меня с удовольствием возьмут на работу в любом другом месте, где будет требоваться юрист, хороший юрист. Опыт, опыт и только он, какими бы блестящими ни были знания, полученные даже в самом престижном вузе, может сделать из только что аттестованного специалиста высококлассного профессионала».

Эти рассуждения и определили выбор Киры. Цивилист-это юрист, специалист по гражданскому праву. Произошло такое название от латинского слова «civilis» – гражданский. Да, она хочет быть цивилистом. Об этом через час Кира и доложила председателю суда.

Глава 2

Чезаре ди Беккариа – итальянский мыслитель, юрист, публицист и общественный деятель – более двухсот лет назад в одном из своих трудов писал: «Формальность и торжественность необходимы при отправлении правосудия, чтобы ничего не оставлять на произвол судьи, чтобы народ знал, что суд творится на основании твердых правил, а не беспорядочно и пристрастно». Этот постулат не утратил своей актуальности и сегодня.

Первое, что сделала Кира по организации своей работы, – распечатала часть Гражданского процессуального Кодекса, подробно регламентировавшего порядок проведения судебного заседания. Это она должна будет безукоризненно знать и четко соблюдать, давая предусмотренную законом возможность выступить сторонам по делу, участвующим в деле адвокатам, представителям юридических лиц и всем другим участникам процесса. Судебные заседания могли длиться непрерывно от получаса до нескольких часов и даже дней, и именно она должна быть дирижером происходящего в зале. Ошибиться – означало нарушить чьи-либо охраняемые законом права. А это уже профессиональная непригодность. Поэтому Кира решила просто заучить эту часть Кодекса наизусть, чтобы в любой ситуации вести судебные заседания в строгом соответствии с законом. Около года на ее судейском столе, рядом с материалами дел, лежал отработанный ею до мелочей конспект. Лежал до тех пор, пока в нем не отпала надобность: Кира уже могла легко и непринужденно вести судебные заседания по делам любой сложности, и никто не мог предъявить ей претензии в том, что она во время судебного заседания нарушила чьи-то процессуальные права или упустила какую-либо его стадию. Вместе с тем заседания она вела в достаточно строгой форме, не позволяя недобросовестным участникам процесса бессовестно использовать предоставленные им возможности вопреки правам других лиц.

Шел очередной обычный рабочий день.

– Прощу всех встать! – звонким голосом скомандовала молоденькая, миловидная секретарь судебного заседания.

Открылась дверь совещательной комнаты и за трибуну шагнула облаченная в черную мантию федеральный судья с делом в руках. Раскрыв его, Кира огласила собравшимся в зале резолютивную часть только что принятого ею решения по законченному полчаса назад делу.

– Решение. Именем Российской Федерации...

Оглашаемым решением она подводила итог своей двухмесячной работы по одному конкретному делу из сотни других, находившихся в данный момент в ее производстве.

Зачитав решение и дав необходимые разъяснения о времени и месте ознакомления сторон с полным решением и протоколом судебного заседания, она объявила о закрытии судебного заседания по делу и удалилась обратно в свой кабинет. Ее примеру последовала и секретарь судебного заседания, предварительно отметив повестки присутствовавшим при рассмотрении дела сторонам и свидетелям.

Из зала судебного заседания, обсуждая принятое решение и размер взысканных сумм, расходились стороны, их «группы поддержки», свидетели и адвокаты.

В небольшой по размеру комнате, служившей рабочим кабинетом судьи и ее же совещательной комнатой, обставленной только самым необходимым для работы, Киной в глубоком одиночестве принимались решения, оглашаемые затем в зале судебного заседания. Практически посередине кабинета стоял стол, на котором располагались дела, содержащие крики души, слезы и мольбы, трезвые расчеты и подлые наветы, боль и надежду, терзания и сомнения, да чего только еще они не содержали... Там же, напротив ее рабочего кресла, располагалась пишущая машинка – многолетняя спутница Киры, так облегчавшая ей работу по написанию решений, которую со временем сменил душка-компьютер – окно в цивилизованный мир.

Справа – служебный телефон, передававший вопросы, выдававший претензии, звонивший без конца и без устали. У стола – ее рабочее кресло да слева вдоль стены книжный шкаф с объединенной с ним вешалкой для одежды. Прямо напротив стола несколько стульев – пристанище время от времени появлявшихся в кабинете посетителей. Вот, собственно, и вся нехитрая обстановка ее ставшего родным за ряд лет работы кабинета. Выйти из него можно было только прямо в зал судебного заседания, а уже оттуда – в коридор здания суда.

Приближалось время начала судебного заседания по следующему делу, назначенному на этот день. До него оставалось немного времени, и Кира решила освежить память, полистав уже полностью подготовленное к рассмотрению по существу дело.

Да-а, вопрос жилищный... По сути – раздел муниципальной квартиры между бывшими супругами, которые уже не составляли ячейку общества, но вынуждены были жить под одной крышей в связи с отсутствием у каждого из них другой жилплощади. Истец – Любовь Ивановна, ответчик – Павел Петрович. У них – зарегистрированная проживающей в этой же квартире дочь Анна семнадцати лет. От третьего лица, органа опеки и попечительства, который в данной ситуации призван блюсти интересы несовершеннолетней, имелось мнение – он разрешение вопроса оставлял на усмотрение суда и просил рассмотреть дело в отсутствие своего представителя.

Так... Все документы в наличии, поэтому при явке истицы и ответчика можно будет рассмотреть дело. Хотя могут произойти и какие-либо подготовленные сторонами неожиданно, о которых суд они заранее в известность не поставили. Срок рассмотрения дела истекает, поэтому в случае безосновательного отложения его на другое число, срок, а также закон, будут нарушены, и это уже ее, судьи, вина в некачественной организации рассмотрения дела.

Энск – город районный с населением около двух сотен тысяч человек, поэтому, как любила говорить одна из местных жительниц – бывший народный заседатель, – «все здесь накрываются одним одеялом», то есть обо всех сколько-нибудь значимых лицах практически все известно. О Павле Петровиче было известно, что он – мошенник. Будучи человеком предприимчивым, он присвоил довольно крупную денежную сумму и при этом, благодаря природной изворотливости, использованию различных, в том числе грязных, приемов, сумел-таки избежать наказания. За ним тянулся шлейф слухов о наличии и других подобного рода грешков. Он обладал просто талантом ускользать от ответственности.

В данном случае бывшая супруга заявила к нему иск об изменении договора жилищного найма. Понятно, договориться они не смогли.

Кира вспомнила, как накануне он пришел к ней на личный прием без видимой причины, посидел немного, проговорил что-то невнятное и ушел. Зачем приходил?..

Еще Марк Туллий Цицерон говорил, что честный человек, садясь в судейское кресло, забывает о личных симпатиях. Кира в своей работе должна была строго следовать этому правилу. Поэтому какая в данном случае разница, какими личностными качествами обладают истец и ответчик, если каждый из них имеет право на жилую площадь в общей квартире? Имеется спор, который истица и ответчик не могут уладить сами. Именно поэтому и пришли в суд, а ей всего лишь следует разрешить его на основании действующего законодательства. И все.

В назначенное время секретарь доложила, что явка полная, стороны в зале. Кира вышла, объявила судебное заседание открытым и начала слушать дело, соблюдая все предъявляемые к ходу судебного заседания требования закона, который четко регламентировал его ход.

Следовало выделить в пользование одну из комнат двухкомнатной квартиры одному из супругов, вторую – другому. Места общего пользования, коими являлись кухня, санузел, ванная комната, коридор, оставались в их общем пользовании, и только в случае удовлетворения иска каждый из них будет иметь самостоятельное право на выделенные судом комнаты в общей квартире. Предметом спора и являлись жилые комнаты, одна из которых была раза в

два больше другой. Понятно, что каждая из сторон хотела получить в пользование большую. А кто ее получит, зависело от того, с кем пожелает проживать их дочь, – простая арифметика.

В ходе рассмотрения дела истица заявила перед судом ходатайство о приобщении к его материалам заявления от дочери, в котором та просила выделить комнату ей совместно с матерью, выразив желание жить вместе с ней. Заявление это и решало спорный вопрос. Оно, видимо, было неожиданным для Павла Петровича, который не знал теперь, как настаивать на выделении большей комнаты именно ему.

Перед принятием решения по ходатайству, приобщать заявление дочери к материалам дела или нет, учитывать ли ее мнение при распределении жилых комнат, судья обратилась к нему как к ответчику:

– Подойдите, пожалуйста, прочтите заявление и ответьте, оно написано вашей дочерью или нет? Возражаете ли вы против приобщения его к материалам дела?

– Да, писала его моя дочь, – без тени сомнения ответил Павел Петрович, – но я возражаю против его приобщения к делу.

– Почему?

В ответ – молчание.

– Суд должен понять и учесть ваши возражения, поэтому если это заявление вашей дочери и нет сомнений в ее волеизъявлении, вам следует ответить на мой вопрос, почему возражаете против его приобщения, – терпеливо разъясняла судья.

В ответ – снова молчание. Его право – возражать или соглашаться, но объяснить свою позицию ему все-таки следовало, он же упрямо молчал. Других ходатайств не поступало.

– Суд, обсудив ходатайство о приобщении к материалам дела заявления от дочери сторон, определил: ходатайство истицы удовлетворить, заявление приобщить к материалам дела. Ответчик не оспаривает, что написано оно его дочерью. Свое возражение против приобщения заявления дочери к делу никак не мотивирует, – завершила вопрос о судьбе ходатайства истицы Кира.

Слушание дела шло к завершению и осталось лишь удалиться в совещательную комнату для вынесения решения, как вдруг Павел Петрович проявил-таки свою изобретательность, заявив:

– Прошу отложить дело на другой день, мне плохо!

– Что с вами?

– Сердце болит, мне плохо!

– Суд объявляет перерыв. Секретарь, срочно вызовите скорую помощь! – мгновенно отреагировала Кира.

– Нет-нет, – заволновался Павел Петрович, – скорую не нужно, просто перенесите дело на другой день!

– напористо настаивал он, хотя ничего в его внешнем виде не говорило о его болезненном состоянии.

Однако... судья – не врач!

– А что сердце, болит или уже все в порядке?

– Болит, но скорую – не нужно!

Так продолжалось некоторое время. Ответчик ссылаясь на плохое самочувствие, судья настаивала на вызове скорой помощи. Стало совершенно очевидным, что цель Павла Петровича – не допустить вынесения решения по делу именно сегодня. А там он, видимо, что-нибудь придумает. Может, разберется со своими дамами, оказав на них какое-либо воздействие...

– Павел Петрович, – наконец резюмировала Кира, – я поняла, что вы – заслуженный артист. Но только вы – заслуженный, а я – народная! – И удалилась в совещательную комнату для постановления решения, которое огласила через некоторое время.

Павел Петрович в последующем еще не раз был стороной по различным гражданским делам, но с какими бы заявлениями он ни обращался в суд, каждый раз в правом крайнем углу первой их страницы надписывал мелким почерком: «Прошу мое дело судье Тихоновой не передавать». Он, видимо, навсегда запомнил, что он – заслуженный, а она – народная!

Глава 3

Желая знать о внутреннем мире внучки как можно больше, чтобы направлять в нужное русло поступки ребенка, за чью судьбу она отвечала, Мария Савельевна время от времени старалась проникнуть в этот мир. Бабушка расспрашивала маленькую Киру, о чем та мечтает, кем хочет стать, когда вырастет и настанет время выбора профессии.

Кира была девочкой еще маленькой, и у нее были свои маленькие тайны, делиться которыми она ни с кем не желала: это был только ее – старательно охраняемый ею мир! Но бабушке все-таки удалось выяснить, что Кира, когда вырастет, будет артисткой, а замуж она выйдет только за военного. Мария Савельевна не одобрила ни сделанный Кирой выбор будущей профессии, ни профессию предполагаемого мужа.

Они сидели рядышком, плечом к плечу, старый и малый, и рассуждали о жизни. Спины их прижались к кафелю – выходявшей в их комнату боковой стенки печи, согревавшей своим теплом их спальню. Сидели они на единственной в комнате металлической кровати с сетчатым матрасом, покачивающимся от любого движения тела. Это было время, когда внучка приезжала на выходные из интерната, где училась, и Мария Савельевна старалась провести с ней как можно больше времени в эти полтора дня нахождения Киры дома, чтобы хоть как-то согреть ее теплом домашнего общения.

– Ну что ты, Кирочка, – объясняла она подрастающей внучке, – какой из военного муж? Он будет постоянно отсутствовать: то какие-нибудь учения, то военные действия. Что это за семья будет такая: вечное ожидание его возвращения. Да и опасная это профессия, в любой момент сможешь остаться вдовой.

Но выбор Киры не был случаен, ведь основным русскоязычным населением литовского города Каунас, в котором они жили, в шестидесятые-семидесятые были семьи именно военнослужащих. Муж-повар, водитель, инженер – это как-то уж очень приземленно. Муж военный – подтянутый, физически крепкий, с твердым мужским характером – был пределом ее детских фантазий и мечтаний. Нет, переубедить ее бабушка не могла: все ее доводы на этот счет уходили в песок.

Что же касается профессии, то профессиональной актрисой она не стала. Но если следовать утверждениям Шекспира, что «весь мир – театр; в нем женщины, мужчины – все актеры; у них свои есть выходы, уходы, и каждый не одну играет роль», то Кире, безусловно, приходилось в различных ситуациях применять актерский дар, который природой ей все же был дан. Необходимость его применения время от времени диктовали условия, в которых она оказывалась в течение всей ее жизни. Дар этот помогал ей выживать, обороняться, уходить от ударов, наносимых недругами и теми из друзей, при наличии которых врагов уже и не нужно.

Так сложилось, что замуж она все-таки вышла за офицера – лейтенанта, но не армии, а милиции, с которым училась и одновременно работала в одном и том же учебном заведении, готовившем милицмейские кадры в литовском городе Каунас. Нельзя сказать, что Кира была без памяти влюблена в своего будущего супруга, если считать, что влюбленность – временное помрачение рассудка, неустойчивое состояние сознания, существующее как фаза, протекающая в определенный, всегда конечный период времени. Ведь влюбленность может стихать, заканчиваться и появляться вновь, переходить в другое чувство – любовь. Чувство влюбленности ее уже охватывало, но ожидаемой радости не принесло, поэтому к замужеству она относилась как к ответственному, трезвому выбору будущего спутника всей ее будущей жизни. Несмотря на заниженную самооценку брошенного родителями почти сразу после рождения ребенка, несмотря на еще сидевшее в памяти данное бабушкой сравнение ее внешних данных с красавицей-сестрой Ольгой, Кира не оставалась без внимания со стороны лиц мужского пола. Бывали увлечения, разочарования, расставания, боль потери...

Ей уже двадцать четыре. Все подружки и многочисленные подружки замужем. У всех у них она уже отгуляла на свадьбах, а сама все по-прежнему одна... Так и жила после смерти бабушки Марии Савельевны вместе с дедом Матвеем в их перестроенной после войны под жилое помещение конюшне в зеленом районе Каунаса – Панямуне. Сестра Ольга в это время училась в Ленинграде. Было стойкое ощущение одиночества и ненужности никому в этой жизни.

Кира любила танцевать и поэтому каждый вечер выходных – субботы и воскресенья – проводила вместе с подругами, а после их замужества отправлялась туда зачастую одна, – в Доме офицеров на танцевальных вечерах, где собирались русскоязычные жители литовского города. Там она и познакомилась с курсантом очного отделения школы, который проявил к ней интерес и пригласил потанцевать. Потанцевали, поболтали. Потом танцевали весь вечер, а затем встречались не только на территории школы милиции. Приближался август – месяц отпуска для курсантов, которые на это время разъезжались по домам. По разнарядкам в школе обучались будущие работники органов внутренних дел Литвы и Московской области.

Николай, так звали нового знакомого Киры, был из столичной области. В преддверии месячного расставания на время ожидавшегося отпуска он как-то беззаботно, скорее желая порисоваться, неожиданно сам для себя пригласил Киру в гости.

– Слушай, Кира, а чем ты будешь занята в августе? – беззаботно болтая спросил он.

– Еще не решила.

– Куда-нибудь поедешь отдыхать или останешься здесь? – продолжал интересоваться Николай.

– Я же еще и работаю. Отпуск мне должны дать летом: я учусь. Пока я его не брала: в июне была экзаменационная сессия. В августе, думаю, пойду в отпуск, – вслух рассуждала Кира.

– Так приезжай ко мне в гости. Я живу в Московской области, километрах в двадцати пяти от Москвы. Покажу тебе столицу. Ты в Москве-то когда-нибудь была? – все словословил Николай.

– Когда-нибудь была. Но ты совершенно напрасно так легко меня приглашаешь: я ведь очень легка на подъем, могу запросто и приехать.

– Вот и приезжай, – обратного пути у Николая уже не было: слово не воробей, вылетит – не поймает. Надо было держать марку и он ее держал.

– А твоя семья, родители не будут возражать против моего приезда? – интересовалась Кира.

– Да что ты! Мои родители – гостеприимные люди. Да и ты им не можешь не понравиться. Не беспокойся на этот счет, – не сдавался Николай.

– Ладно. Приглашение принимается. О приезде сообщу. Жди.

Долго уговаривать Киру не нужно было. Она действительно была легка на подъем и быстра при приеме решений. Что тут было думать? Конечно, она прилетит на несколько дней в Москву, тем более что конкретных планов на время отпуска у нее не было.

Шел август – время, когда в Подмосковье уже практически не жарко, но солнце греет ласковым теплом, а случающийся ветерок уже несет осеннюю прохладу. Уже начинают отступать пыль и зной, сдают позиции и комары-кровососы. Среди густых зеленых листьев на деревьях уже нет-нет и проглянут желтенькие и красноватые, намекая на скорый приход сюда осени. Погода в Подмосковье в августе мало чем отличалась от погоды в это время в ее городе.

Получив от Киры телеграмму о дне и времени прилета, Николай встретил ее в одном из аэропортов Москвы на легковом авто приятеля и с достоинством доставил гостью домой. Жил Николай в доме родителей в большом селе что-нибудь в двух десятках километров от Москвы – практически рядом со столицей огромной, занимавшей, как учили в школе, шестую часть земной суши страны, которая называлась Советский Союз.

Дом этот стоял на трассе, делившей село вдоль на две части и ведущей из Москвы в один из четырех аэропортов столицы. Дом был небольшим, двухэтажным, построенным из силикат-

ного кирпича руками отца Николая, который не был профессиональным строителем, но был трудолюбив и мог руками своими сделать все, за что брался. Земельный участок к дому в двадцать пять соток кормил семью, поскольку на нем выращивалось все: от картошки-морковки и всевозможных трав до помидоров-перцев, груш и яблок. Все засаливалось-консервировалось членами семьи на зиму, излишки продавались мчавшимся на дачи и с дач москвичам, прикупавшим на пропитание у живших тут селян по сходной цене свежие овощи, зелень, куриные яйца, козье молоко... Главное – все свеженькое, свое. А хозяевам лишняя копейка не мешает: самих хозяев двое и детей подрастало в каждом дворе по несколько.

Приезд в августе неожиданной гостьи – в самый период сбора урожая и работ по его сохранению в виде заготовок на зиму – был явно некстати, но как истинно русские люди родители, братья и сестра Николая приняли Киру приветливо. Николаю была даже выделена пара дней для поездки в столицу, чтобы показать Москву гостье. Так Кира познакомилась с семьей своего приятеля, погостила несколько дней да и возвратилась домой.

Новый учебный год начинался первого октября. По возвращении в школу милиции дружеские отношения между Николаем и Кирой только крепли и закончились свадьбой, состоявшейся в первых числах марта.

Роза Васильевна – мать Николая, что называется, костями ложилась, чтобы свадьба не состоялась, имея о дальнейшей семейной жизни старшего своего сына другое представление. Не сумев противостоять его воле, пообещала Кире практически в день свадьбы, что разведет ту с Николаем уже через год.

Прошла скромная, но веселая свадьба, родители Николая уехали домой, Николай на неделю возвратился в казармы школы. Супруги жили у Киры и ее деда Матвея полтора дня – с середины субботы до раннего утра понедельника: Николай был курсантом очного курса, находился на казарменном положении и возвратиться в учебное заведение должен был не позднее восьми утра понедельника.

Как-то уже летом, в июне, Николай приехал к жене, которая ждала его свежеприготовленными густыми щами с мясом. Съев пару ложек щей, он с явным неудовольствием отодвинул тарелку.

– Капуста переварена – щи есть невозможно! – сказал он.

Конечно, когда мужчина умеет готовить и делает это хорошо, угодить ему непросто. Николай готовил неплохо, переняв это умение от отца. Кира вновь попробовала щи. Да все хорошо! В чем дело? Она обычно готовила их именно такими, раньше он ей никогда претензии не предъявлял. Что теперь-то не так?

– Невозможно? – изумившись, спросила она.

– Невозможно, – нахмутив лоб, настаивал Николай.

Убили не сами претензии, а тон, которым он их предъявлял. Если бы он просто сделал замечание и попросил бы в будущем что-то учесть в приготовлении, посмеялись бы, поели бы, на том бы и порешили... А тут сам тон, выражение лица, совершенно отвратительная мимика... Он был похож на придиравшуюся к любой малости свекруху в самом отрицательном смысле этого слова. Кира заторможенно соображала, но понять ничего не могла: что это было?

– Так есть нельзя? – подытоживала она, видя, что Николай братья за еду не собирается.

– Нельзя, – настаивал он.

– Ну ладно, – приходила она в себя, – раз нельзя, значит, щи выливаются в помойное ведро, – приняла решение Кира и тут же из тарелок вылила щи в кастрюлю, а из нее – в помойное ведро.

Есть больше было нечего: Кира все мясо использовала в щи, полагая, что такие наваристые да с мясом они заменят первое и второе. От такого поворота Николай надулся, молодые первый раз поссорились...

Не сразу, а через пару недель ситуация повторилась. Приехав на побывку к жене субботним вечером, Николай ужинал тушеным мясом с картошкой.

– Картошка перетушена, – сказал он, отодвигая тарелку и всем видом выражая неудовольствие, получаемое им от еды.

Кира перепроверила себя, съев кусок мяса с картофелем: она уже была беременна, могла и пересолить. Нет, все было в порядке. Картофель мягкий, но не расплзается, посолен в меру, мясо мягкое, вкусное.

Все повторилось, ровно так же, как и со щами: тот же уничтожающий тон, то же пренебрежительное выражение лица. Это несмотря на то, что Николай питался в выходные дни на средства жены и деда Матвея, поскольку все время обучения курсант состоял на полном государственном довольствии, а его курсантской стипендии хватало разве что на сигареты да на еще какую-нибудь мелочь.

– Я такое есть не буду, – продолжал он, отодвигая тарелку.

– Что, есть невозможно? – предвкушая последствия разговора, с легким ехидством спросила Кира.

– Да, невозможно.

Памятуя двухнедельный опыт со щами, не желая остаться голодной, Кира смела содержимое тарелки мужа в помойное ведро, свое жаркое оставив только для личного употребления. Когда содержимое его тарелки было в помойке, Николай подскочил, но исправить уже ничего не было возможно: его часть ужина была уничтожена.

– Ты дура! – с негодованием, почти криком выпалил он жене.

– Пусть я дура, – согласилась Кира. – Но запомни: и впредь в подобных случаях так будет всегда. Если есть невозможно, зачем держать такую еду? Ее следует просто выбросить. Извини, но сегодня на ужин я тебе ничего другого предложить не могу, – подытожила она и стала не без удовольствия есть со своей тарелки предусмотрительно оставленное ею тушеное мясо с картошкой.

Кира решительно не понимала, что происходит. Свой брак она рассматривала как союз двух равноправных, заботящихся друг о друге и как минимум уважающих друг друга и готовых все делить поровну на двоих людей. Зачем этот спектакль? «Все браки удачны. Трудности появляются только тогда, когда начинается совместная жизнь», – сказала Франсуаза Саган. Подобное больше в их совместной с Николаем жизни никогда не повторилось, но она никогда этого и не забывала. Лишь через много лет, пропустив через себя немалый опыт человеческих взаимоотношений, она поняла, что это только она искренне считала себя и мужа в браке равноправными партнерами, а Николай уже тогда начинал отвоевывать в их семье главенствующее положение. Пусть пока в такой форме.

Было лето, они были еще достаточно молоды, но недостаточно опытны в житейских делах. Течение их семейной жизни было как летняя прибалтийская погода, которая отличалась изменчивостью, сильным ветром и резким чередованием сухого и влажного воздуха, частыми дождями и сопровождающими их грозами.

Острых конфликтов молодые супруги старались больше не допускать, но произошедшее, понятно, заставило их посмотреть друг на друга под несколько иным углом. Они открывали друг в друге все новые и новые черты.

Закончив учебу в школе милиции, молодые в августе семьдесят седьмого уехали из Литвы. И хотя свекровь Киры женитьбу сына на неизвестно откуда взявшейся девице не одобряла, она все-таки приняла в своем доме молодую семью, ожидавшую вскоре пополнения.

До этого времени Николай и Кира были знакомы немногим больше года. При этом Николай жил на казарменном положении и тем самым был поставлен в нетипичные для себя обстоятельства: были установлены жесткие условия поведения, исполнение которых строго контро-

лировалось руководством школы. Неповиновение грозило исключением из числа курсантов и возвращением домой.

Понятно, что не нужно было торопиться регистрировать отношения: выбирать нужно сердцем, но нельзя забывать про здравый смысл. Кира, конечно, выбирала в данном случае, руководствуясь больше здравым смыслом. Но если здравый смысл – это некий способ отбора знаний, основанный на приобретенном жизненном опыте, то какой уж такой серьезный жизненный опыт у двадцатипятилетней девушки? Может быть, поэтому совершенно неверно она оценила присущие Николаю личностные качества, приняв исполнительность за обязательность, безразличие – за спокойствие, хитрость – за доброжелательность и заботливость, лстивость – за искренность. А вот возвратившись домой в привычные для себя условия жизни, Николай становился самим собой. Здесь Кира постепенно и начала открывать для самой себя своего избранника. При этом она понимала: не следует идеализировать человека, приписывая ему желаемые, но не свойственные ему качества. Нужно попытаться любить и ценить его таким, каков он есть, признавая за ним право на все его плюсы и минусы.

С течением времени от раза к разу Кира все явственнее понимала, что у нее «голые лопатки» – отсутствует та мужская опора, на которую она рассчитывала, выходя замуж. То, что в ее случае это именно так, Кира начала понимать, уже родив первенца – Георгия. Мальшу едва исполнилось полгода, как Николай сорвал Киру с ребенком из дома во временное жилье к отсутствовавшему летом сослуживцу, оттуда – во временно пустовавшую детскую комнату милиции. Он рассчитывал получить от управления внутренних дел квартиру на свою семью, однако не учел, что прописан с женой и ребенком был в частном доме родителей, где существовали излишки жилой площади, то есть жильем был по принятым в то время нормам обеспечен. Ну кто даст ему эту квартиру? Уговорил Киру написать на свое руководство жалобу в ЦК КПСС. Опять промах. Предложение руководства управления перейти на службу участковым, которому на обслуживаемой территории предоставлялось служебное жилье и была реальная возможность решить жилищный вопрос, отклонил, прекрасно понимая, что это за работа: ни дня отдыха от населения, причем довольно проблемного. Тем не менее не упустил возможность устроить жену, имевшую равное с ним образование, на работу в домоуправление дворником. Эта должность дала ей возможность получить на семью такую же, как и полагавшуюся участковому, служебную квартиру: живешь в ней, пока работаешь. Вот уж воистину: «Выйти замуж – не напасть, как бы замужем не пропасть!».

Глава 4

На родину Кира, пусть ненадолго, летала регулярно. Расстояние между Москвой и Каунасом составляло около девятисот километров и быстрее всего преодолевалось на самолетах. На турбовинтовом пассажирском АН-24 или на среднемагистральном трехдвигательном пассажирском ЯК-42 можно было долететь туда за полтора-два часа в зависимости от крейсерской скорости летательного аппарата.

После распада СССР просто так попасть в ставшую уже за границей Литву не получалось: необходима была въездная виза по приглашению кого-то из там проживавших. Такое приглашение Кире для получения визы в Москве всегда присылала сестра Ольга, у которой она постоянно и останавливалась: сестры общались и радовались не таким уж и частым их встречам. Материально Кира никогда не садилась на шею сестре: все расходы в полном размере, а часто и сверх их, всегда компенсировала. В этот раз Ольга приглашение никак не присылала, ссылаясь на самые разные причины и тем самым постоянно откладывая приезд Киры, на работе у которой был жесткий график отпусков и поэтому приехать она могла в строго определенные временные периоды. Кира в конце концов прислать приглашение попросить мать, что та с радостным чувством незамедлительно и сделала. Дана лишней раз хотелось не только пообщаться с дочерью, но и еще и еще раз удостовериться, что дочь простила ее навсегда. Прилетела Кира вместе с Николаем, и в этот раз они остановились у приславшей им приглашение Даны, с которой у Николая сложились теплые отношения.

На праздничный обед в честь приезда старшей дочери Дана собрала у себя всех своих дочерей. Прибыли и Ольга, и Римма с детьми. Ольга была со своей повзрослевшей дочерью, красавицей Бетой, ставшей очень похожей на американскую актрису Сандру Буллок: их внешняя схожесть просто поражала. Обе, Ольга и Вета, были вызывающе красивы и несколько напряжены.

Главным в обеденном меню были, конечно, цепелины – национальное блюдо литовской кухни, название свое получившее от схожести с одним из типов дирижабля. Во время войны и оккупации Литвы Германией над литовскими землями иногда пролетали немецкие цепелины, по форме похожие на любимые литовцами картофельные зразы. Отсюда, говорят, и пошло название этого национального блюда.

Отобедали, поболтали, поделились новостями, и, собираясь восвояси, Ольга обратилась к Кире с Николаем.

– Ну, собирайтесь, остановитесь, как всегда, у меня, – сказала она как о чем-то само собой разумеющемся.

Дана испугалась: а вдруг Кира действительно остановится у Ольги? Значит, как приглашение прислать – так она, а как остановиться – так у Ольги. Но Кира делать этого не собиралась: пригласила мать, значит, у нее и останутся. Обижать ее она не собиралась.

– Вообще-то нас пригласила мать. Мы уже расположились у нее, у нее и останемся, а к тебе, если хочешь, завтра придем в гости, – без раздумий ответила Кира.

– Хорошо, ждем к обеду, – согласилась Ольга, изобразив на лице недовольство отказом Киры.

Выспавшись и побродив по окрестностям родного города, Кира с Николаем собрались к Ольге. Кира позвонила ей из квартиры Даны по городскому телефону, согласовывая с сестрой время предстоящего визита.

– Да, мы с Арвидасом ждем вас к двум. Слушай, Кир, мне не совсем удобно просить, но не могла бы ты одолжить мне немного денег, а то не на что даже хлеба купить к столу, не говоря уже о чем-то еще. У меня к обеду только курица и овощи, больше ничего нет. Я тебе при первой же возможности верну, ты же меня знаешь, – была, как всегда, в своем репертуаре Ольга.

– Ладно, а сколько нужно? – Кира никогда не отказывала сестре.

Стоявшие рядом с Кирой и слышавшие разговор Дана и Николай как по команде замали руками: «Не давай».

– Не давай, – прикрыв трубку телефона, горячо убеждала Киру Дана, – ты же знаешь ее – не отдаст никогда!

Кира терзалась сомнениями: ей не было жалко дать денег сестре, но всегда получалось как-то так, что всю жизнь давала Ольге их именно она, а Ольга всегда была как бы несчастной или кем-то обиженной и постоянно материально нуждалась.

– Не давай! – хором настойчиво повторяли Дана и Николай.

– Ладно, сейчас придем, – ответила Кира сестре.

Перед уходом к Ольге Дана посвящала Киру в подробности жизни своей средней дочери.

– Бизнес у Ольги прогорел. Они с Арвидасом сейчас нигде не работают, мотаются за тряпками в Польшу, продают их здесь, на это и живут. Оба молодые, здоровые, но постоянно плачутся. Она постоянно у меня занимает деньги и никогда долг не возвращает. Не одалживай ей ничего. Если хочешь, купи хлеба, спиртного к столу и принеси их, но не более, – уговаривала Дана выходящих из дома гостей.

Кира с Николаем так и сделали: зашли в продуктовый магазин и купили все необходимое к праздничному обеду, учитывая наличие к нему курицы с овощами.

– Арвидас, сбегай за пивком, – открывая дверь, уже распорядилась прибывшей личностью Ольга.

– Не нужно куда бежать, мы все принесли с собой. Ну а тебе не нужно будет мне ничего возвращать, – остудила ее пыл Кира.

Ольга, не ожидавшая такого развития событий от никогда ни в чем не отказывавшей ей сестры, несколько помедлив, как бы осмысливая происходящее, пригласила гостей к столу. Пообедали, пообщались. За столом царило легкое напряжение. Кира была как будто прежней, всегда все понимающей и безотказной, однако теперь взгляд ее время от времени становился настолько пристальным, что казалось, она заглядывает Ольге прямо в душу. Кира не всегда, как раньше, спешила с ответом, как будто тщательно его обдумывая и что-то взвешивая. Ольга узнавала и не узнавала сестру.

Пообедав и пообщавшись, они расстались, как потом оказалось, не на один десяток лет.

Глава 5

Рабочий день продолжался. Возвратившись в свой кабинет из зала судебного заседания после оглашения решения, Кира изучала документы.

Вдруг в проеме двери, ведущей в ее кабинет из зала судебных заседаний, появилась фигура мужчины. Для того чтобы зайти в ее кабинет, он быстро пересек пустой зал по проходу, образовавшемуся между ровными рядами скамеек, расположенных в зоне для сторон по делам и публики и процессуальной зоной с возвышавшимся судейским столом. Мужчина был настолько высокого роста и плотного телосложения, что заполнял собой практически весь дверной проем. Кира узнала в нем Маркина – ответчика по рассматриваемому сегодня утром делу. Дело было отложено из-за неявки истца и отсутствия доказательств, подтверждавших получение им уведомления о месте и времени рассмотрения заявленного к Маркину иска. Процесс был проведен, Маркин, присутствовавший на нем, знал о причине отложения дела и времени назначения следующего заседания суда. Что-то еще?

Неожиданно появившийся в проеме двери Маркин, ничего не говоря, стремительно направился прямо к сидевшей за рабочим столом Кире. Она, мгновенно уловив исходившую от него агрессию, быстро вышла из-за стола, чтобы выпроводить его из кабинета и изнутри закрыть за ним дверь, но тут же получила прямо в лицо сильный удар, умело нанесенный натренированной рукой Маркина. Он явно не торопился закончить начатое. До нанесения следующего удара Кира успела громко крикнуть секретарю в открытую настежь дверь кабинета:

– Ксения, срочно вызови конвой!

Конвой располагался этажом ниже, в полуподвальном помещении, где содержались доставляемые в суд подсудимые. Чтобы предотвратить вызов милиции, Маркин вынужден был оставить Киру и метнуться в расположенный отдельно, за стеной, кабинет секретаря судебного заседания. В этот момент Кира успела вставить в дверной замок ключ и повернуть его, изнутри закрывшись в кабинете. Влетев в кабинет Ксении, он нанес удар уже державшей в руках телефонную трубку девушке. От удара та спиной откинулась на стену кабинета и, не удержавшись на ногах, осела на пол. Кира, находясь в безопасности за закрытой дверью кабинета, уже сама звонила и нарочито громко, чтобы привлечь внимание Маркина и вынудить его оставить Ксению, вызывала дежуривший в конвойном помещении наряд милиции. Услышав это, Маркин выбежал из кабинета, а затем из зала заседаний и из здания суда.

Женщины в окно наблюдали стремительно удалявшуюся спортивную фигуру убежавшего мужчины, только что так лихо орудовавшего кулаками. Конвой появился уже после того, как Маркин покинул здание суда. В окно было видно, как двое сильно располневших мужчин в милицейской форме трусцой побежали по улице в том направлении, где только что скрылся Маркин. Было совершенно очевидно, что они его не догонят.

В приемном покое городской больницы Кира и Ксения зафиксировали полученные повреждения: они должны были служить доказательствами нападения на них и причинения им телесных повреждений. Вызванные ими работники милиции, узнав, что нападавший уже скрылся и задержать его на месте происшествия не получится, прибыть в суд не торопились. Появившимся часа через два сотрудникам милиции был сообщен адрес Маркина, и Кира не сомневалась, что он сегодня же будет задержан.

Однако не тут-то было. Задерживать Маркина почему-то не торопились, что позволило ему назавтра вновь явиться в суд. Но на этот раз он пришел не к Кире, а к ее коллеге, Валерии Ивановне Собакиной, работавшей этажом выше. Кабинет ее располагался как раз над кабинетом Киры.

Валерия Ивановна после окончания средней школы здесь же, в Подмосковье, поступила на юридический факультет МГУ. Благополучно его закончила и была направлена в энский

районный суд на годичную стажировку, после прохождения которой и была избрана народным судьей.

Был небольшой перерыв между слушаниями дел, и Валерия Ивановна вела беседу с находившимся у нее экспертом, сидя за столом своего кабинета. Маркин также, как и вчера, быстро миновал зал судебных заседаний, стремительно шагнул в кабинет судьи и быстро выплеснул ей в лицо заранее подготовленную и принесенную им во флаконе порцию авиационного бензина. Он целился Валерии в глаза, но она успела прикрыть их руками. Пока Валерия судорожно, подручными средствами, вытирала с лица попавшую на него жидкость, Маркин пытался высечь огонь, чиркая спичкой о припасенный им для этой цели коробок. От волнения державшие спички пальцы дрожали, тонкие палочки ломались и завершить начатое у него никак не получалось.

Пришел в себя сначала ничего не понявший и просто ошарашенный от неожиданного развития событий мужчина-эксперт. Находясь рядом с Маркиным, он выбил из его рук спички и рывком заломил руку Маркина ему за спину. Тут уж подоспели и вызванные секретарем судебного заседания конвойные, принявшие Маркина под свою опеку.

Конечно, этого бы не произошло, если бы еще вчера, после нападения Маркина на Киру и Ксению, он был задержан: из материалов дела был известен адрес его проживания, так что сделать это было совсем несложно. Но сделано не было. Если бы судья в кабинете была одна, он, вполне вероятно, завершил бы начатое: зажег спичку и бросил бы ее в облигую бензином женщину. Последствия очевидны...

Пазл собрался чуть позже, когда были сведены воедино все его составляющие. Маркин служил в органах внутренних дел, был офицером милиции, серьезно занимался спортом, имел разряд по самбо. Затем уволился или был уволен. За ним перед управлением, в котором он ранее состоял, значился долг за несданное при увольнении обмундирование. Гражданский иск о взыскании стоимости этого долга и находился на рассмотрении у Киры. Ее коллега, Валерия Собакина, пару лет назад рассматривала дело о разводе Маркина и разделе их с супругой имущества. Развела супругов, затем разделила между ними их имущество и квартиру, давно забыв об их существовании: подобных дел в год рассматривается в суде сотни.

После задержания Маркина, возбуждения уголовного дела по факту нападения на народных судей и секретаря в рамках проведения следственных действий была проведена судебно-психиатрическая экспертиза. Комиссией, образованной из психиатров института имени Сербского, было установлено, что Маркин тяжело болен: специалисты диагностировали у него серьезное расстройство психики – кататоническую шизофрению. Вероятнее всего, наличие у Маркина такой болезни и явилось причиной развода и увольнения его со службы.

Кира поднялась в кабинет к Валерии, находившийся этажом выше.

– Слушай, ну хорошо, он болен. Но ведь рано или поздно может выйти из больницы. И что тогда? – задавалась вопросом Кира.

– Тогда, боюсь, нам мало не покажется. Он может нам мстить, поскольку понимает, что именно из-за нас был задержан, – развивала мысли вслух криминалист Валерия, рассматривавшая уголовные дела. – А у нас семьи, у нас дети, мужья наконец. Как нам тогда обезопасить свою и их жизнь? Так и будем жить и бояться, что Маркин появится из-за угла?

– Да, если он будет знать, что ему, как психически больному, не грозит уголовное наказание, он может сделать даже страшно подумать что, – Кира была в ужасе от перспективы возможного развития событий.

Обсудив ситуацию, женщины приуныли... Стало очевидным, что, скорее всего, в силу наличия у него такой болезни Маркин избежит уголовного наказания. Он будет помещен в специализированное медицинское учреждение, в котором содержатся совершившие преступления психически больные, но в случае выписки его оттуда гарантировать им безопасную жизнь не мог практически никто.

Но тут произошло событие, изменившее ситуацию. Каким-то образом, каким – так и осталось для них тайной, Маркин в камере предварительного заключения перерезал себе горло. Его больше не существовало...

Глава 6

Как любая нормальная женщина, Кира выходила замуж для того, чтобы иметь семью – мужа, детей. Конкретное время появления в семье детей она не планировала: сначала необходимо было определиться с работой, а уж потом думать об их рождении. Кого конкретно – девочки или мальчика – неважно. Детей в принципе, поскольку без них семья, понятно, не семья.

Школу милиции она должна была закончить через полгода после свадьбы, потом предстоял переезд на другое место жительства – за тысячу километров, затем – трудоустройство, поэтому пока было не до детей. Но жизнь распорядилась по-своему. Когда Кира поняла, было уже поздно: врачом было констатировано, что молодая женщина ждет ребенка. Кира сначала расстраивалась: уж как-то быстро все случилось. Как-то не вовремя эта беременность! Но Николай был тверд – ребенок должен родиться. На том и порешили. И в конце года родился сынишка, имя которому, как супруги и договорились, дал Николай. Назвали ребенка в честь отца Николая Георгием – именем греческого происхождения. Кира и не думала возражать, тем более, что Георгий – один из самых известных и почитаемых святых у христиан. Кратко – Гера, Гоша, Жора... Славянская форма этого греческого имени – Юрий.

– Уложились, – подсчитала свекровь Роза Васильевна установленные законами деторождения сроки.

Гера, родившийся со стандартным для доношенного ребенка весом и ростом, первые полгода, пока Кира с Николаем жили в доме его родителей, оказался ребенком беспокойным: Кира была постоянно напряжена, молока сынишке не хватало, хотя наблюдавший ребенка педиатр утверждала, что малыш вес набирает по всем правилам, грамм в грамм, выходить за пределы графика кормления запрещала: кормить строго-строго по часам. Гера был с этим явно не согласен, требуя у матери добавки к кем-то зачем-то установленной норме, громко надрываясь по ночам. И только когда Кира стала давать ему дополнительно к молоку другую еду, стал спокойнее.

В свои полтора года, когда декретный отпуск Киры закончился, Гера пошел, как практически все советские дети, с которыми на время работы родителей некому было остаться дома, в ясли, где первые две недели при передаче его нянечке как следует оторал. Потом привык и уже не возражал, когда один из родителей привозил его туда. Нанять на время работы для сынишки няню не было средств. Позволить себе няню могли только достаточно состоятельные люди, а Тихоновы еле сводили концы с концами. Да это было как-то и не принято в их среде. Ребенком Гера был веселым, улыбчивым, любопытным, шаловливым, требовавшим за собой глаз да глаз.

Спустя четыре с половиной года семья Николая и Киры пополнилась еще одним сыном. Ему имя уже давала Кира: так договорились супруги.

– Почему именно Илья? – допытывался Николай у жены, выбравшей второму сынишке такое имя.

– Просто потому, что оно мне нравится больше любых других мужских имен, – объясняла Кира, у которой не было видимых причин именно так называть ребенка.

– Ну-ну, – не верил муж такому объяснению.

Рождение Ильи тоже было запланировано-неожиданным. Николай, выросший в многодетной семье, и Кира, имевшая сестер, понимали, что у Георгия должен быть брат или сестренка. При этом Николай грезил о дочери, а Кире было все равно, кто будет – брат или сестра. Но это понимание было отложенным: только не сейчас, потому что Кира только что получила работу в суде судебным исполнителем, еще предстояло закончить институт, а она пока еще на втором курсе. Так что как-то попозже. Но не тут-то было. Она только что была принята на

работу с маленьким ребенком и тут на тебе – беременна. Кира была в шоке от осознания предстоящей реакции на это обстоятельство на работе, но Николай был вновь неумолим – рожаем!

Кира мысленно оценивала ситуацию. Ей уже двадцать девять, а родит она уже в тридцать. Позже уже как-то не хотелось. В восьмидесятых не было принято женщине обзаводиться ребенком к сорока годам: считалось поздноватым. Так что тридцать – самое время. В институте она училась заочно, значит, закончит, но только без академического отпуска: после перерыва учебу можно и не продолжить. Реакция на новой работе на ее беременность была более чем предсказуемой, но тут уж что поделаешь. В конце концов, не преступление же она совершает.

И двадцать пятого июня в дополнение к Георгию родился Илья. Он был несколько тяжелее и чуть больше первенца, большой и спокойный: спал и ел, ел и спал... Достигнув полутора лет, пошел в те же ясли, но, когда родители приводили его в группу, особого возмущения не выказывал и сопротивления не оказывал: надо так надо. Детсадовский воспитатель, до этого порабатывавшая с непоседливым и шустрым Герой, не могла нарадоваться на спокойного и покладистого его брата-малыша. К Илюше, находившемуся в этом нежном возрасте, незнакомые часто обращались как к девочке: он, особенно в шапочке, и правда был похож на симпатичную малышку.

Разница в возрасте братьев составляла четыре с половиной года, в школу они пошли с разницей в пять лет. Когда закончились детсадовские годы и началась школа, на лето Кира с Николаем старались пристроить сыновей к бабке с дедом: все-таки свежий, почти сельский, воздух, овощи и фрукты со своего участка, круглосуточный присмотр. Так что пару летних месяцев Гера и Илья проводили у Розы Васильевны и Георгия Михайловича, хотя присмотр за племянниками в большинстве своем осуществляла именно их тетка Майя, относившаяся к сыновьям брата и Киры как к своим собственным.

Однажды, вернувшись с работы, Майя, едва войдя с улицы в дом, ясно почувствовала аромат дефицитных в то время духов «Мисс Диор» (Miss Dior) легендарного французского кутюрье Кристиана Диора. Царило время тотального дефицита. Для того чтобы купить что-либо, нужно было сначала достать желаемое. Доставали из-под полы, по большому благу. Роза Васильевна старалась привить горячо любимой дочери вкус к красивой и добротной одежде, всячески баловала дочку, поэтому, конечно же, достала ей эти духи, призванные преобразить девушку, привить ей уникальную способность женщины – обольщать.

Ароматом духов «Miss Dior» был, казалось, заполнен каждый закуток дома. Майя подошла к стоявшему на пороге ее комнаты трехлетнему Илье, которого она любовно прозвала Люшиком. Сомнений не было: племянник благоухал ставшим для нее уже любимым ароматом.

Предчувствуя неладное, Майя кинулась к трюмо в своей спальне в надежде определить размер потери, но изящный прямоугольный флакон из-под духов с традиционной выделкой под клетку «гусиная лапка», с шелковым бантом на горлышке, еще утром хранивший ноты гардении, гальбанума, шалфея и альдегидов, содержавший ароматы жасмина, розы, нероли, нарцисса, ириса, анютиных глазок и ландыша, был пуст. Пуст абсолютно. Надежды Майи на то, что ну хотя бы на дне флакона осталось хоть сколько-нибудь завораживающей своим запахом жидкости, рухнули.

Она возвратилась к племяннику. Его темно-русые густые волосы на голове благоухали душистым запахом множества цветов, призванным дарить особый шик обладательнице такого аромата.

– Люшик, ты что, вылил себе на голову весь этот пузырек? – вглядываясь в глаза племяннику, спрашивала Майя.

– Ага, – мотнул вниз головой Илья, глядя на Майю доставшимися ему от Киры сероголубыми глазами и подтверждая правильность ее догадки.

Майя пребывала в положении, которое можно охарактеризовать состоянием от бешенства до беспомощности, поскольку причинить физическую боль ребенку в любой ситуации было не в ее правилах.

– Так поступать нельзя! Если хочешь взять что-то, что тебе не принадлежит, нужно обязательно спросить разрешения. Понял? – втолковывала она Лютику, максимально приблизив свое лицо к его лицу, желая, чтобы он это правило запомнил навсегда. – Вырастешь, купишь мне на первую же зарплату такие же духи! Понял?

– Ага, – вновь согласно мотнул головой испугавшийся Люшук, не понимавший, что же такое плохое он сделал, пропитав себя исключительно приятным, даже вкусным запахом?

В течение следующего месяца, а может быть и дольше, Кира наслаждалась запахом духов, разносивших по всей квартире свой аромат после ежедневной помывки сына в ванной.

Майя позже, уже смеясь, частенько называла взрослого Илью не иначе, как французом, не отказываясь и от уменьшительно-ласкового данного ею прозвища Люшук. Они прочно следовали за ним всю его жизнь.

Георгий же имел совсем иной опыт применения парфюма. Как-то отец принес домой маленького беленького котенка, который пожил в семье всего несколько дней. По необъяснимой причине как-то утром его нашли бездыханным. Оказалось, что любопытный экспериментатор Гера подлил в кошачье блюдце с молоком немного отцовского одеколona, чтобы посмотреть, как отнесется к такой еде кот. Кот вылакал молоко с одеколоном и сдох.

Вообще, летняя жизнь у бабки с дедом доставляла Гере и Илье удовольствие. Особое – ночью, когда все засыпали и в доме оставались без присмотра ограниченно возможные в дневное время лакомства: сгущенка и шоколадные конфеты.

Сгущенка, как и все остальное съестное во времена тотального дефицита, запасалась Розой Васильевной впрок благодаря ее торговым возможностям и хранилась в картонных серых коробках в подполе, лаз в каковой находился в полу узкого коридора, в который выходили двери кухни и трех комнат первого этажа. Чтобы никого не разбудить, нужно было поднять люк – деревянную вырезанную в полу довольно тяжелую крышку, откинуть его и по деревянной лестнице спуститься в подпол за вожаемыми баночками. С этой задачей братья, движимые не проходящим желанием поесть сладенькой сгущеночки, успешно справлялись. При этом никто разбужен не был. Содержимое банок тут же поглощалось братьями с большим удовольствием. Да и кто в детстве не любил сгущенку? Только когда дети возвращались домой к родителям и в занимаемой ими деревенской комнате производилась более тщательная, чем обычно, уборка, под диванами, которые им были выделены для сна, обычно убиравшаяся Майя находила пустые жестяные банки от сгущенки. Понятно, не одну и не две.

– А почему в банках по два отверстия? – все удивлялась Роза Васильевна, полагавшая, что одной дырки, чтобы высосать содержимое банки, вполне достаточно.

– Мама, да это для того, чтобы воздух помогал густой молочной массе быстрее выходить из банки, – объясняла матери Майя, видимо и сама еще помнившая время подобного поглощения лакомства.

Там же во всем своем разнообразии валялись фантики от съеденных шоколадных конфет, хранившихся в большом тридцатиметровом зале пристройки. Ну тут уж куда лазить не нужно было. Зал находился в пристройке к основному дому. Нужно было лишь стать на табурет или стул и открыть дверцу верхней части находящейся в зале стенки. А там в огромной прозрачной вазе находилось все многообразие конфет: от «Белочек» и «Мишек на Севере» до самых разнообразных с железной начинкой или «птичьим молоком».

Много позже Кира, иногда вспоминая какие-то эпизоды жизни своих сыновей, как-то спросила Илью о том периоде.

– Ну почему вы таскали конфеты у бабушки тайком по ночам? Вам что, днем их не давали?

– Конечно давали, но по одной-две. Да как же можно было утерпеть, зная, что там хранится такое богатство, когда хотелось еще? – с улыбкой отвечал он.

Дед Георгий Михайлович никогда не обсуждал этого с внуками. Роза Васильевна, трудами которой скапливалось такое лакомое богатство, сама воспитывала внуков.

– Если вам хочется конфетку, надо спросить разрешения у меня или у тети Майи, и мы вам дадим, – поучала она их правилам поведения. – Есть сладости до еды – завтрака, обеда или ужина – не нужно. А сгущенку вообще едят не по банке за раз, ее нужно добавлять в чай всего-то несколько ложечек.

Дети все понимали, но были в этом вопросе категорически не согласны с бабушкой и теткой. Они и сами достаточно хорошо понимали толк в сладостях, чтобы самим определять время и количество их употребления. Несмотря на обнаруженное после отъезда внуков безобразия, из года в год ничего не менялось: лаз в подпол и банки со сгущенкой оставались на прежнем месте, ваза с конфетами оставалась там же и всегда была до краев заполнена лакомствами. Сладкая жизнь продолжалась.

Николай и Кира приезжали летом к находившимся в селе детям на выходные – субботу и воскресенье. Кира старалась компенсировать нахождение мальчиков у свекрови работами в саду и два этих дня проводила на грядках: полола, собирала, солила, мариновала, закрывала банки на зиму... Позже она все время корила себя за то, что все это время не посвящала детям: они были рядом, но книжек она им прочла и игр с ними сыграла гораздо меньше, чем смогла бы, если бы не занималась этими работами. А как было не заниматься, если с того же участка ее семье регулярно и в необходимом количестве выделялись овощи и фрукты, купить которые не всегда хватало денег?

Дети росли и тоже привлекались к хозяйству. Однажды соседка Розы Васильевны предложила понаблюдать за собирающим яблоки в саду Герой и Роза Васильевна увидела возмущившую ее картину. Гера ходил с ведром по саду и собирал падалицу, но вместо того, чтобы класть яблоки в ведро и сыпать их по мере его наполнения в положенном месте, со щенячьим восторгом перебрасывал их через забор на участок соседки.

– Гера, ты что делаешь? – с ужасом и чувством вины за поведение сына спрашивала его Кира, которой Роза Васильевна пеняла за поведение старшенького.

Оказалось, что Гера вел боевое сражение с неприятелем, затаившимся за бабкиным забором, и метал туда гранаты в виде упавших с деревьев, уже не желавших висеть на них яблок, поедаемых червяком или полностью созревших и своим падением сообщавших об этом хозяевам.

Немного подросшему Илье и внучке Светлане – подрастающей дочери Майи, разница в возрасте которых составляла всего лишь год, Роза Васильевна поручала торговлю за калиткой выращенным на участке в то время, когда самой необходимо было отлучиться по домашним делам или следовало прерваться от продажи цветов и овощей по другим причинам. Машины за забором мчались, покидавшие дачи москвичи останавливались у продававших за калитками собственных участков сельчан, и Розе Васильевне жаль было лишаться дохода от продажи. Тогда она и сажала за наспех обустроенный прилавок с овощами и фруктами, а также растущими на участке цветами внуков – Свету и Илью – и строго инструктировала о правилах торговли и ценах на товар. Вся заработанная ими выручка должна была быть отдана, понятно, ей. Ребята с поставленной задачей успешно справлялись и все положенные деньги от продажи сдавали по окончании торговли бабушке, но при этом делали свой гешефт.

– Слушай, – предложил Илья двоюродной сестре, – а давай продавать каждый букет цветов на пятьдесят копеек дороже. Так мы с тобой заработаем на «сникерсы». Не нужно будет просить у взрослых, сами себе купим, сколько захотим.

– Ага, – с ходу согласилась Света, – и будем на столько же увеличивать цену на каждый кабачок и огурцы. А ведро яблок будем продавать дороже на рубль.

– Согласен, – Илья был доволен смекалкой сестры.

Так и поступили. Отчитавшись за проданное перед бабушкой, они бежали в единственный сельский магазин, где уже начали торговлю сладким заграничным лакомством – «сникерсами»: это тебе не привычные конфеты «Кара-Кум» или «Мишка на Севере», а что-то новенькое, а поэтому более вкусное.

А подростого Геру на один из летних месяцев родители решили определить в летний пионерский лагерь, здесь же недалеко, в Подмоскowie: с малышкой ему было уже неинтересно, да и отдых в коллективе одногодков – неплохая идея. Купили путевку и отвезли сына в лесной лагерь: побудка по звуку горна, коллективная зарядка, завтрак, ну и так далее по заранее установленному расписанию дня.

Но Гере в этом лагере было плохо: никакой тебе свободы действий, постоянные придирки вожатой, наказания за малейшее проявление самостоятельности... Просто концлагерь какой-то! И Гера решил досрочно закончить свое пребывание в нем, совершив побег. Он, все осмыслив и не долго думая, побросал все свои вещи в чемодан, вылез за территорию лагеря через заранее присмотренную дыру в заборе и через небольшой лесок вышел к шоссе. Там он, голосуя, сговорился с одним из водителей, затормозивших на призыв мальчишки остановить машину, и тот довез его бесплатно до дома бабки с дедом. Домой к родителям он не поехал, опасаясь, что те вернут его обратно.

Когда к Розе Васильевне явилась насмерть перепуганная вожатая, разыскивавшая вдруг исчезнувшего из ее отряда сорвиголову пионера Георгия Тихонова, бабка собственноручно написала руководству лагеря заявление, в котором отказалась от нахождения внука в лагере до конца смены и гарантировала отсутствие у руководства неприятностей по этому поводу. Так закончился первый и последний опыт отдыха Георгия в пионерском лагере.

Глава 7

В рабочем кабинете Киры было довольно прохладно: январь выдался суровым, отопление в здании суда при таких морозах было явно слабовато. Ну да морозные дни в наше время стоят недолго. Хорошо все-таки, что у нее отдельный, такой маленький и уютный кабинетик, где можно утеплиться, натянув на себя дополнительные одежды, усесться поудобней и в последний раз перед принятием решения по делу, хорошенько вчитаться в собранные в нем документы – доказательства по делу, в протоколы судебных заседаний, где зафиксированы такие важные для этого дела показания свидетелей со стороны истца и ответчика. Нужно, наконец, прийти к окончательному решению, которое завтра она должна будет огласить сторонам по делу. А выводы суда должны будут основываться на полученных в предусмотренном законом порядке фактических данных, которые стороны от заседания к заседанию представляли суду, обосновывая свои требования и возражения. Все будет исследоваться завтра в судебном заседании, а сегодня ей надо к нему подготовиться, чтобы уже в судебном процессе ничего не упустить и принять единственно верное решение, от которого зависят судьбы спорящих сторон.

Кира нажала кнопку звонка, соединявшую ее с работавшей за стеной в своем кабинете секретарем судебного заседания. Надо сказать, что секретарь судебного заседания – это не тот секретарь, о работе которого у простого обывателя сложилось твердо установившееся мнение: прием и перераспределение корреспонденции, подготовка и отправка ответов на полученные письма, занятие делопроизводством, организация приема сотрудников и посетителей, ну и тому подобное. Само наименование должности «секретарь судебного заседания» предусматривало специфику работы такого секретаря. Это секретари, работавшие в учреждениях только одного рода-судах и выполнявшие в связи с этим специфические обязанности: своей работой они обеспечивали в конкретном суде организацию и проведение судебных процессов.

Секретари, как правило, постоянно менялись из-за небольшой заработной платы, с одной стороны, а с другой – потому, что практически все секретари в судах в этот период времени учились в юридических институтах или на юридических факультетах университетов, понятно, в свободное от работы время, то есть заочно. Уже позже, в связи с проводившейся судебной реформой, у секретарей судебных заседаний при приеме их на работу обязательным стало наличие высшего образования. Те знания и те практические навыки, которые они получали, работая в судах, никогда не давало, не дает и никогда не даст ни одно учебное заведение. Поэтому те из них, кто хотел и в силу наличия у них личностных качеств мог впитать все то, что давала работа в суде, после получения высшего образования становились хорошими профессионалами – юристами и были всегда востребованы.

Кира звонком вызывала к себе Леночку, которая с недавнего времени и работала у нее секретарем судебного заседания. Надо сказать, что Леночка только что закончила среднюю школу и приехала попытать счастья в столичную область из области Курской. Ее приютила тетка, направившая стопы племянницы на работу в суд: у девушки было желание в дальнейшем учиться на юридическом.

Леночка была настоящей русской красавицей: правильные черты лица, русоволоса, прекрасно сложена. Как-то в кабинете у Киры сидел ее коллега, что-то обсуждали и Кира вызвала Леночку, давая ей взбучку за какие-то недоработки.

– Слушай, ну что ты ее ругаешь? – улыбаясь, спросил Киру коллега, когда Леночка вышла из кабинета своей начальницы.

– Да как ее не ругать? Надо внимательней быть, такие ошибки потом дорого обходятся, – не унималась возмущенная Кира.

– Да ей с ее внешностью ничего и уметь-то не нужно, да и работать тоже. Такой красавице можно ничего не делать, а просто с улыбкой проходить мимо и этого будет достаточно, – заметил коллега.

– Вот пусть сидит дома, там ходит и ничего не делает!

Но Леночка всегда все оперативно исправляла. А у кого не бывает их, этих ошибок? Известно – у того, кто ничего не делает.

В один из ряда повторяющихся, похожих друг на друга рабочих дней Леночка принесла на подпись судье кучу оформленных дел. Кира проверяла их, просматривала протоколы судебных заседаний, Леночка была тут же, подавая и убирая дела один за другим.

– Слушай, давай выпьем по чашке кофе, что ли, – предложила Кира, – а то уже в глазах рябит.

– Давайте, – согласилась Леночка, – вам, как всегда, черный и без сахара?

– Угу, – подтвердила Кира, не отрываясь от очередного протокола.

Кофе был готов, сделали в работе небольшой перерыв. Кира смотрела на молодую красивую девушку, которую она постоянно видела только за работой: приходит на работу – Леночка уже работает, уходит – она еще работает. «А как и чем она живет?» – задумалась Кира, понимая, что на какую-либо личную жизнь у девушки времени просто нет.

– Лен, а у тебя парень есть? – спросила Кира, отхлебывая кофе.

– Нет, – смущаясь ответила секретарь.

– Как нет? Самое время влюбляться, ходить на свидания.

– А когда?

– Как, когда? После работы, конечно, в выходные, в праздники...

– Да какое после работы? Мы же целый день слушаем дела, а оформлять их когда? После работы. А в выходные выспаться хочется, и в институт когда-то готовиться надо, – отбивалась Леночка от вдруг проявившей к ней такой личный интерес начальницы.

– Да... – молча что-то перебаривала Кира. – Со временем, конечно, туго, но жизнь-то проходит. И так быстро и незаметно пройдет мимо. И в тридцать ты уже не красивая девушка с перспективой найти достойного спутника жизни, а женщина, достигшая бальзаковского возраста. Да и молодые мужчины в основном уже женаты или разведены. В семью ты вряд ли полезешь создавать счастье на чужом несчастье. И чем старше, тем сложнее встретить его, своего человека. Да... – уже вслух рассуждала она.

Молча пили кофе. Неугомонная Кира мысленно искала выход: нельзя же дать пропасть такой красоте! Девчонка-то отличная, так и состарится на работе. Мало ли таких красавиц так и остались незамужними – не востребованными женами?

– Слушай, Лена, – глаза у Киры заблестели, – а как тебе новый адвокат Кирилл Казначеев? Он у нас уже участвовал в делах. Закончил юрфак МГУ, умный, грамотный, ведет себя безукоризненно и в процессе, и вне его. Приятный, общительный...

– Он толстый, – надула губки Леночка.

– Какой – толстый?! Он просто плотный! – возмущенно защищала совершенно не подозревавшего об их разговоре «претендента» на сердце Леночки адвоката Казначеева. – Да если бы я была так молода, как ты, и не была бы замужем, я обязательно обратила бы внимание на такого парня! – Учти также, – продолжала Кира, – что его отец – судья, член Верховного Суда, а мама – председатель суда в соседнем городе. Я знаю их обоих: родители – люди исключительные. А это тоже немаловажно: вопрос о генах при рождении детей природа не отменяла. Вам нужно пообщаться, узнать друг друга: могут возникнуть и взаимные чувства – любовь. Ну а он, как ты считаешь, обратил на тебя внимание?

– Не знаю, – пожалала плечиками Леночка. – Позавчера, когда вы ушли в совещательную комнату готовить решение для оглашения, а я осталась в зале заседаний, он повернулся и, чтобы никто не увидел, показал мне язык, – доложила Леночка.

– Да?.. Отлично! – обрадовалась Кира. – Значит, внимание он на тебя обратил.

Пока Леночка соображала, как со всем этим быть, Кира уже прокладывала маршрут дальнейших ее действий.

– Так, – давала она указания своему секретарю. – С понедельника я на две недели уйду в отпуск. Когда возвращусь, чтобы вы с Казначеевым уже как минимум сходили в кино. Как ты это сделаешь – не мое дело, но после моего возвращения доложишь. Все, хватит пить кофе, давай продолжим проверку протоколов.

Прекрасная пора – отпускное время. Ждешь его ждешь, а оно пролетает в один миг: на работу выйдешь, а уже назавтра в таком долгожданном отпуске как и не бывал. Кира всегда отпуск свой делила на части и отдыхала несколько раз в году по две недели. Так и в этот раз. По возвращении на работу она не забыла поинтересоваться у Леночки о том, что происходит в ее личной жизни.

– Ну что, сходили с Казначеевым в кино?

– Мы не только в кино сходили, мы уже целовались, – с достоинством сообщила Леночка.

– Да что ты говоришь?! – поразила скорость развития событий Кира. – А ты, оказывается, способная ученица. Молодец, – подвела она итог, понимая, что дальше направлять Леночку уже смысла нет: процесс пошел.

А вскоре у молодого и перспективного адвоката Кирилла Казначеева и секретаря судебного заседания Леночки состоялась свадьба, на которую была приглашена и Кира. Из них получилась прекрасная супружеская пара. Леночка закончила юридический, оказалась прекрасной женой и родила Кириллу троих дочерей.

Глава 8

После закрытия своего небольшого бизнеса в Каунасе у Ольги остались долги. Для их погашения она брала займы, возратить вовремя которые не всегда получалось. Друзей, которые могли бы ее выручить, не было. Во избежание наихудшего для нее исхода Ольге пришлось продать двухкомнатную квартиру, купленную после продажи двухквартирного домика деда Матвея в районе города Панямуне, возратить долги, а уже на оставшиеся деньги купить в пригороде Каунаса крохотную однушку: хоть какая-то на этой земле крыша над головой.

После событий 1991 года и выхода Литвы из состава Союза Литва также, как и другие бывшие советские республики, переживала трудные годы. Сокращение производственных активов советской эпохи привело к небывалому уровню безработицы. Литовцы, которые раньше не любили покидать насиженные места, потянулись с родины кто куда, в основном в Европу. По данным статистики, Литву покинул каждый шестой житель этой красивой и некогда стабильной страны. Трудовая миграция стала одной из основных проблем. Из-за нее приостановился прирост населения. В самой Литве крупными стали считаться предприятия, количество работающих на которых составляло несколько сот человек против тысяч и десятков тысяч работавших на них в докризисный период.

Поиски работы положительных результатов не давали, и гражданский муж Ольги Арвидас уехал на лето на сезонные заработки в Швецию. Возвратился осенью с какими-никакими деньгами. Дожили до следующего лета, а там поехали в Швецию на заработки уже вместе с Ольгой. Вета, не закончив среднюю школу, уехала пробовать счастья в Германию.

Пару лет Ольга с Арвидасом в качестве дешевой рабочей силы прожили на юге Швеции, поняв, наконец, что обосноваться здесь навсегда вряд ли получится. Надо было искать другое место под солнцем. И Ольга, познакомившись с соотечественницей, тоже находившейся в Швеции на заработках, решила вместе с ней попытать счастья в Ирландии. Они перебрались туда, после чего девица исчезла с Ольгиного горизонта и та осталась на незнакомой территории совсем одна. Позже, когда она уже осела в новой стране, Ольга рассказывала, как она здесь обосновалась, но из ее рассказов, состоявших из каких-то полутонов, из полуправды так и нельзя было до конца понять, как это у нее получилось. Ну не обязана она никому ничего рассказывать – ничье это дело. Пусть каждый сам попробует.

Ирландия, климат которой был схож с климатом Литвы – с достаточно мягкими зимами с минимальной температурой до плюс 7–9 градусов по Цельсию, прохладным летом со средней июльской температурой воздуха в плюс 18–20 градусов по Цельсию, – сразу пришлась по душе Ольге. Кроме того, Ирландия – Изумрудный остров – весь год покрыта зеленью: лиственные деревья и альпийские растения нашли здесь благодатное место. Особенно восхищали Ольгу огромные кусты гортензий возле частных домов: вплотную посаженные корни этих цветов разного цвета давали в результате огромный трехцветный букет белых, розово-фиолетовых и голубых оттенков, радовавший яркими красками круглый год.

– Если считать, что у каждого человека есть свое место на земле, то мое – это Ирландия. Мне здесь все нравится. Нравятся эмоциональные и непосредственные ирландцы. Я здесь чувствую себя очень комфортно, – первое время жизни здесь с придыханием повторяла Ольга.

Обосновалась она, пусть и не сразу, в сохранившем средневековые достопримечательности Лимерике – третьем по величине промышленном городе Ирландии. Устроилась на предприятие, изготавливавшее замороженные гамбургеры. На конвейерной ленте постоянным медленным потоком двигались составляющие гамбургеров: половинки булочек и котлета из мяса, по сути – рубленый стейк. Сидящие по обе стороны конвейера женщины должны были быстрыми движениями рук собирать гамбургеры из движущихся мимо ингредиентов и класть их обратно на ленту для движения дальше. Работали приехавшие сюда разными способами

выходцы из бывшей Советской Прибалтики, Украины, Польши... Литовская диаспора была одной из наиболее многочисленных. По некоторым данным – 0,6 % населения страны, уступая по количеству только англичанам и полякам. Прибывающие в страну гастарбайтеры – работающие по временному найму иностранцы – недолго задерживались на этом предприятии: все желали и искали лучшей жизни, в поисках которой пытались зарабатывать всеми возможными способами. Всем хотелось устроиться на места «потеплее» и заработать побольше, а работодатели не держались за приезжих, поскольку им на смену всегда спешили получить работу вновь и вновь прибывавшие. Ольга проработала в этом цеху два года. Температура воздуха на производстве была постоянной, минус пять по Цельсию, что было необходимо по технологии производства этих самых гамбургеров. И за два года ежедневной работы в цеху с минусовой температурой у Ольги произошло обморожение кожи на щеках: они покрылись мелкой сеточкой из красных капилляров. Это был купероз – заболевание не смертельное, но и не добавляющее женской красоты, которой всегда гордилась Ольга. С ним, правда, в условиях современной медицины Ольга могла справиться как с помощью аптечной косметики, так и с помощью физиотерапии, озонотерапии, сосудистого лазера. Были бы деньги.

Чуть позже переселился сюда и Арвидас. Жили на съемной квартире. Арвидас работал не полную, как Ольга, неделю, а всего два-три дня. Он, как, впрочем, и всегда, трудом себя не изнурял. Такой у него был щадящий его организм режим работы – свободного времени было предостаточно. И тут случилось то, что случилось. Арвидас с освободившейся от трудов праведных энергией в полной мере отдался нахлынувшему на него чувству – он влюбился.

– Представляешь, – много позже рассказывала Кире сестра, – я узнала от живших в городке земляков, что, пока я на работе, Арвидас встречается с приехавшей на заработки литовкой. Она замужем, дома ее с заработком ждал муж и двое детей, а она тут не только работала, но и крутила роман с фактически женатым мужиком! Да я еще бы поняла, если бы она была красавицей, а то, ты не представляешь, ну обезьяна: на лицо – ничего особенного, какая-то вся безликая, руки длинные, как у гориллы, ноги короткие и кривые. Я тебе передать не могу! – возмущалась, не понимая выбора Арвидаса, Ольга. – Я сначала поверить не могла, но потом увидела их сама. Да и на мой прямой вопрос он не скрывал своей связи с ней. Говорил только, что я должна его понять, что поделаться он с собой ничего не может.

Кире хотелось напомнить сестре о том времени, когда Ольга сама увела Арвидаса от женщины, с которой тот жил одной семьей, но не стала сыпать соль на ее раны. Так уж создано большинство людей, и Ольга не была исключением, что собственные поступки кажутся им если и не совсем правильными, то в конкретной ситуации вполне понятными и оправданными, а вот такие же или подобные поступки других – неправильными, жестокими и коварными.

– Не бросай меня, Ольга, – умолял ее Арвидас, – я без тебя пропаду.

– Я какое-то время ждала, что он оставит эту женщину, – продолжала рассказывать Ольга, – но этого не происходило, и тогда я сняла себе другой угол, забрала вещи и ушла от него.

Через несколько месяцев, заработав денег, за чем и приезжала, дама сердца Арвидаса уехала восвояси, к семье. Он остался один. Его мать писала из Каунаса Ольге, чтобы та не бросала на чужбине ее единственного сына, но было уже поздно. Арвидас сделал свой выбор, и пути обратно Ольга не видела: простить не получалось. Через несколько лет он, потеряв в жизни смысл и окончательно спившись, умер в возрасте пятидесяти лет в полном одиночестве там же, в Ирландии. Мать его кляла и винила во всем Ольгу.

А Ольга сменила работу. Уволившись с предприятия по изготовлению гамбургеров, она переехала в другой город, подальше от прошлого, и по протекции землячки устроилась работать в одну из городских гостиниц горничной.

Была она женщиной внешне еще очень интересной, длинноволосой и по-юному стройной. Конечно, хотелось счастья. Кому не хочется? И Ольга непродолжительное время была

счастлива с жившим здесь, имевшим семью и детей, земляком. Его брат, увидев, что семья старшего может быть разрушена, предпринял меры к ее сохранению.

– Слушай, Ольга, давай я тебя познакомлю с хорошим, свободным русским мужчиной. Зовут его Серега, он чуть постарше тебя, недавно остался один, детей у него нет, эрудит, хорошо поет. Может, понравится тебе? – предложил он.

– А давай, – не возражала она.

Свидание было назначено возле одного из крупных торговых центров: оговорено время и место встречи двух человек, в силу сложившихся обстоятельств вдруг ставших одинокими. Ольга пришла вовремя. Возле назначенного места стоял только один мужчина. Внешне он не очень-то соответствовал описанию Сереги, который должен был ее ждать: казался моложе названного возраста, волосы были темными и густыми вместо переходящих в лысину русых, были и другие отличия. Постояв минут пятнадцать и видя, что больше никто не появляется, Ольга решила прояснить ситуацию.

– Извините, – обратилась она к единственному стоявшему в месте назначенной встречи мужчине, – вы не Сергей?

– Нет, меня зовут Гедрюс, – с удовольствием ответил он явно кого-то ждавшей симпатичной женщине.

– А, значит я жду не вас, извините.

– Подождите, не уходите. Раз не пришел тот, кого вы ждали, может, мы познакомимся? Как вас зовут? – спешил взять инициативу в свои руки молодой мужчина, не желавший отпустить красивую женщину, так неожиданно появившуюся на его пути.

– Меня зовут Ольгой, – ответила она, не заставив долго ждать с ответом.

Ну почему не познакомиться в сложившейся ситуации: Сергея нет, а тут другой мужчина, достаточно молодой и внешне интересный, как будто ждал ее? Они шли, Ольга не умолкала, рассуждая на разные темы, желая произвести благоприятное впечатление на вдруг свалившегося на ее голову незнакомца. Он, напротив, не был так словоохотлив, больше слушал. Поскольку на улице было дождливо и ветрено, пошли к Ольге пить кофе. По дороге Гедрюс купил бутылку сухого белого вина. К кофе в холодильнике Ольги оказался только крохотный кусочек подсохшего сыра: больше из съестного дома не было ничего. Для кого ей было запасть еду? Это, однако, не помешало им быстро сблизиться. После тесного телесного контакта, произошедшего после чашки кофе, бутылочки сухого и скромного кусочка сыра, пришедшая в себя Ольга решила все-таки узнать что-нибудь о новом знакомом.

– Слушай, а сколько тебе лет? – поинтересовалась она, отчетливо понимая, что он несколько младше ее.

– Угадай, – смеясь, предложил он.

– А угадай сначала ты, сколько мне.

– Мне и угадывать не нужно. Я знаю, сколько тебе лет, – был его ответ.

– Откуда? – удивилась она.

– Я посмотрел твой паспорт, – невозмутимо ответил он.

– Ладно, – отметив его бесцеремонность, ответила она. – Ты младше меня. Младше лет на семь, – особо не задумываясь, предположила Ольга.

– На больше, – ответил он, смеясь.

– На десять? – гадала она.

– На больше, – улыбающийся Гедрюс был доволен произведенным на нее впечатлением.

– На двенадцать? – пыталась отгадать Ольга, боясь даже предположить разницу в их возрасте.

– На девятнадцать, – наконец, смеясь, смиловившись он.

– О, боже!.. – только и смогла вымолвить ошалевшая Ольга, медленно сползая с подушек.

«Нет-нет, ничего общего у них быть не может!» – так для себя решила Ольга. Он ведь ей в сыновья годится! Нет, нет и нет. Правда, за всю ее жизнь так хорошо ей не было ни с одним из мужчин. Но это же не повод для совместного проживания с мужчиной, годящимся по возрасту ей в сыновья. Вот немножко пообщаются, а потом при любом удобном случае она и укажет ему на дверь.

Назавтра, возвратившись с работы домой, Ольга нашла там не только Гедрюса, но и холодильник, доверху забитый всякой снедью: можно было жить, не выходя за пределы квартиры, как минимум месяц. «Ладно, – решила она про себя, – пусть пока поживет. При первом же удобном случае выгоню». Но жизнь шла, а выгнать все как-то не получалось. «Ну, пусть будет как будет», – время от времени уже думала Ольга. Трудно было расстаться с женщиной, которому в сексуальном плане не было равных. Во всяком случае, за всю богатую таким опытом жизнь подобных мужчин она не встречала, да и вряд ли уже встретит, а ей уже пятьдесят...

– Ты представляешь, – в очередной раз рассказывала Кире об Ольге их мать Дана, – она же и однокомнатную квартиру в Каунасе, которую сдавала в аренду, продала. У нее уже ничего из оставленного тобой не осталось. Ни-че-го! Нигде нет даже крыши над головой.

– А что она пишет, зачем продала? – интересовалась Кира, которая в то время не поддерживала отношений с Ольгой и для нее единственным источником информации о сестре была их мать.

– Она пишет, что с новым хахалем, по-моему, Гедрюс его зовут, хотят купить в Ирландии кусочек земли и построить на нем домик для себя. Но ведь ничего не купят и ничего не построят. Просто промотают деньги и останутся ни с чем, – сокрушалась Дана. Она была все же матерью и жизнь дочери не была ей безразлична.

– Промотают, – зная Ольгу, согласилась Кира. – Но мы с тобой никак не можем повлиять на эту ситуацию. Тем более что квартиру она уже продала – это свершившийся факт. Она уже взрослая девочка, сама принимает решения, и сама строит свою жизнь. Мы в данном случае ничего не решаем.

Так и получилось. Вырученные Ольгой от продажи однокомнатной квартиры деньги пошли частично на оплату работы стоматолога, частично – на оплату учебы дочери Веты в колледже, остальные разошлись по мелочам.

Гедрюс работал на крупном продуктовом складе водителем на автокаре, на котором перевозил в пределах склада грузы различных габаритов. Ольга трудилась в одной из городских гостиниц горничной.

С Ольгой происходило что-то неладное: с каждым днем работать становилось все труднее и труднее. Однажды в конце смены она потеряла сознание. Вызвали скорую, провели обследование. У нее был диагностирован рак. Боже, неужели у нее рак? С какой стати? В их роду же никто им не болел! Откуда она взялась, эта страшная болезнь?

Специалисты утверждают, что заболеванию раком в жизни больного предшествуют проблемы, которые не нашли своего разрешения, усилились, осложнились в предшествовавшее заболевание время, из-за чего человек пережил серию стрессовых ситуаций. Медики пришли к выводу, что приведенные в действие эмоциональной реакцией физиологические процессы подавляют защитные механизмы человеческого организма, создавая условия для образования видоизмененных клеток, которые могут перерасти в раковые.

Американская психолог швейцарского происхождения Э. Кюблер-Росс описала психологическое состояние узнавшего о заболевании раком человека, сгруппировав психологическую реакцию такого больного в пять основных стадий: отрицание или шок, когда человек не верит или отрицает наличие у него заболевания; гнев по поводу того, что заболел именно он; торговля – попытка «выторговать» как можно больше дней жизни; депрессия после осознания всей тяжести своей ситуации; принятие – стремление бороться и побороть смертельно опасную болезнь.

Ольга прошла все перечисленные этапы психологической реакции после сообщения ей врачом страшного диагноза. Понятно, что психологическое состояние Ольги, узнавшей о том, что у нее рак, было крайне тревожным. Она мысленно по крупицам перебирала всю свою жизнь. Да, она расценивала болезнь как кару. А что же это еще? Только за что? Ну да, было за что, только прожитое уже не открутить назад, ничего уже не изменить. Ей так хотелось попросить прощения у деда Матвея, но его уже не было на этой земле. Хотелось позвонить Кире и попросить прощения у нее, но звонить ей Ольга боялась: она вообще побаивалась старшую сестру.

– Если у тебя есть сестра, позвони ей. Не бойся. Она далеко и не съест тебя в случае чего, а может, чем-то и поможет, – наставлял ее поддерживавший как мог Гедрюс.

У Даны, с которой поддерживала отношения, изредка посылая матери письма, она узнала телефон Киры, и спустя много лет после последней их встречи в канун католического рождества в далеком Энке в городской квартире Киры раздался ее телефонный звонок.

– Здравствуй, Кира! Это я – Ольга. Хочу поздравить тебя с католическим рождеством. Пожелать тебе здоровья, долгих лет жизни, всего самого доброго в этой жизни, – Ольга здорово волновалась и была немногословна.

– Спасибо... – ошарашенно ответила Кира. – Я тебя тоже поздравляю с праздником и желаю всего самого лучшего, – медленно говорила она, слушая сестру и соображая, что той от нее может быть нужно.

Звонок от Ольги спустя десятки лет был для нее настолько неожиданным, настолько застал ее врасплох, что ее фантазии, чтобы сказать в ответ что-нибудь не банальное, просто не хватало.

– Ты знаешь, а у меня обнаружили рак, – сообщила Ольга сестре страшную новость. – Но я не умру. Я точно не умру, я не хочу, я буду жить! Мне еще совсем немного лет. Я только вырастила дочь и теперь могу пожить для себя, а тут – на тебе. Нет, я буду бороться, буду лечиться, я не умру! Я не хочу! – без остановки, как будто заклинание, повторяла Ольга. – Ты прости меня за все, если можешь!

– Да бог с тобой! – опешила Кира. – Конечно, ты должна жить. Борись, – заторможенно отвечала приходившая в себя ошеломленная известием Кира.

Как известно, со дня начала католического рождества 25 декабря до нового года проходит шесть дней. И 31 декабря Ольга снова звонила Кире и снова поздравляла, теперь уже с наступлением Нового года. Так между ними было восстановлено общение, прервавшееся когда-то на многие годы.

Двухлетняя работа Ольги на предприятии по изготовлению гамбургеров обеспечила ей возможность получать в Ирландии бесплатную медицинскую помощь. Она проходила обследование, сдавала все необходимые для назначения лечения анализы, выполняла все предписания, которые ей делали врачи. Она ждала начала лечения, которое было назначено в порядке очереди на май: одновременно облучение и химиотерапия.

Ольга металась. Ожидание было тягостным. Она со страхом думала, что, пока подходит ее очередь, вторая стадия болезни может перерасти в третью, а там... Ей хотелось куда-нибудь поближе к Богу. В это межвременье они с Гедрюсом на пару-тройку дней собрались в Рим, в котором находился Пантеон (древнейший Храм всех богов), Собор Святого Петра (самая большая церковь Европы и центр католицизма) и, кроме того, более девятисот церквей и соборов – мест встречи человека с Богом. Купив на распродаже по интернету самые дешевые билеты, прилетели с Гедрюсом в Рим и из аэропорта Фьюмичино сразу направились к церкви Санта-Мария Маджоре (Базилика на снегу) – одной из главных христианских святынь Рима, имеющей статус Папской базилики.

К базилике, возведенной на одном из семи холмов, на которых расположен Рим, – холме Эсквилин, она подошла со стороны площади Эсквилино. Прошла на территорию церкви через

красивые кованые ворота главного входа и остановилась возле величественной колонны – памятного знака в честь избавления Рима от чумы, венчала которую Дева Мария во весь рост с младенцем на руках. Шел мелкий, почти незаметный, не заканчивающийся дождик. Ольга, не обращая внимания на дождь, постепенно превращавший во влажное состояние ее волосы и одежду, опустилась на колени перед Девой Марией и стала передвигаться на них вокруг колонны, крестясь и читая молитвы.

– Радуйся, Мария, благодати полная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего Иисус. Святая Мария, Матерь Божия, молись обо мне, грешной, ныне и в час смерти моей. Аминь, – била поклоны Ольга, шепча Ангельское приветствие.

– Господи, Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй меня грешную. Иисус, Мария, святой Иосиф, вам поручаю мое сердце, мою душу и мое тело. Аминь, – взывала она к милости, читая Иисусову молитву.

– Мой Боже, я всем сердцем скорблю о моих грехах, ибо, совершив грех, я заслужила Твое наказание. Сокрушаюсь о них, ибо оскорбила Тебя, бесконечно благого и наиболее достойного любви. С Твоей помощью я обязуюсь впредь избегать соблазнов, дабы более не оскорблять Тебя. Господи! Укрепи меня! – шептала она католическую молитву, вновь и вновь моля о прощении и помощи.

Гедрюс, видя, как Ольга круг за кругом двигалась вокруг колонны, продолжая исступленно читать одну молитву за другой и не замечая, что брюки давно намокли и испачкались, а на коленях грозят протереться до дыр, медленно под руку поднял ее с колен и повел от базилики прочь...

Глава 9

Когда человек, неискушенный в юриспруденции, слышит слово «суд», оно у него ассоциируется, в первую очередь, с такими словами, как «убийство», «преступник», «жертва», «насилие», «грабитель», «вина», «наказание» и так далее. То есть человек почти всегда сразу представляет себе суд в качестве орудия возмездия за совершенное злодеяние. Он, как правило, мысленно представляет себе преступника с надетыми на его руки наручниками, идущего в сопровождении конвоя, не улыбочивого судью в черной мантии, стоя зачитывающего приговор, заплаканные лица родственников, до конца так и не поверивших в виновность любимого отца, сына, мужа...

На самом же деле подавляющее количество рассматриваемых судами первой инстанции дел – гражданские. Сам суд, понятно, законы не издает. Для этих целей в любом государстве имеется законодательный орган – парламент, сейм, конгресс, федеральное собрание, устанавливающий для всех граждан и организаций общеобязательные требования, которые и служат основой для деятельности власти судебной. Суды лишь применяют уже существующие в обществе законы, разбираясь в спорах между гражданами, юридическими лицами, государственными, общественными и иными организациями. Вынесенное судом решение по спору ставит в нем точку и обязательно для исполнения. В определенном смысле судебное решение является законом для тех, в отношении кого оно принято.

Люди вынуждены были обратиться в суд в случае, если хотели развестись, имея общих несовершеннолетних детей, или если общих детей нет, но другой супруг на развод не был согласен; если не получали алименты на свое содержание или содержание своего ребенка; если их заставляли освободить жилое помещение, а они с этим не были согласны; если они не были согласны с увольнением их с работы; если им не выплачивали заработную плату; если причиненный в дорожно-транспортном происшествии или иным образом материальный ущерб не возмещался; если человек купил недвижимость, а оказалось, что собственником такого приобретения считал себя не только он, и так во множестве других «если»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.